

Ребенок и общество

Учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по психологическим и педагогическим специальностям

Предисловие

Раздел I. ДЕТСТВО В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Глава 1. Образы детства

Интерес к детству
Литературные образы детей

Глава 2. Этнография детства и психологическая антропология

Классическая этнография
Теория "культуры и личности"
Маргарет Мид и антропология детства
Антропология детства и этнопедагогика

Глава 3 Кросскультурные исследования

Вопросы и подходы
От описаний к статистике
"Региональная картотека человеческих отношений"
"Этнографический атлас"
Методологические проблемы и трудности
"Проект шести культур"
Другие кросскультурные исследования

Глава 4. От истории педагогики к истории детства

Предпосылки научной истории детства
Филипп Арьес
Историческая демография и история семьи
Стили воспитания
Психоистория
Эмпирическая история детства
Новые источники и аспекты истории детства
Культура детства
[Социология детства](#)
[Детство как социальный феномен](#)
[Социологическая теория детства](#)
Экология человеческого развития
Права ребенка

Раздел II. ВОЗРАСТ И ВОЗРАСТНЫЕ КАТЕГОРИИ

Глава 1. Интуиция и понятие возраста
Глава 2. Жизненный путь индивида
Глава 3. Возрастная стратификация общества
Глава 4. Возрастной символизм культуры

Раздел III. НОРМАТИВНЫЙ КАНОН ЧЕЛОВЕКА И СТИЛЬ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Глава 1. Имплицитная теория личности в "наивной психологии" народов

Наивная психология
Когнитивные и социокультурные факторы морального развития
Единство и множественность "Я"
Личность как этнокультурный конструкт

Глава 2. Индивидуальные различия и соционормативная культура

Разделение труда и развитие индивидуальности
Социальная идентичность и личностные дескрипторы
Социальные и индивидуальные свойства
Оппозиция "Запад - Восток"
"Японская личность"

Глава 3. Социализация детей в изменяющемся мире

Социализация и воспитание
Социализация детей в макросоциальном контексте
Цели воспитания и образы ребенка
Этнография методов воспитания
Забота или контроль?
Тело и сексуальность
Наказания и поощрения
О телесных наказаниях
Агенты социализации
Внесемейное воспитание
Детское сообщество
Эволюция институтов социализации
Знать прошлое, но смотреть вперед
Антропология девиантного поведения
Социализация детей в современном мире

Раздел IV. ГЕНДЕРНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ

Глава 1. Пол, гендер и сексуальность

О природе половых различий
Основные определения

Глава 2. Половой диморфизм и гендерная стратификация

Два подхода к проблеме
Гендерная стратификация по данным антропологии
Гендерное разделение труда
Маскулинность и фемининность как культурные конструкты

Глава 3. Половой символизм и стереотипы маскулинности/фемининности

Бинарные оппозиции
Гендерные различия и сексуальный символизм
Символические инверсии
Гендерный порядок и властные отношения
Маскулинность и фемининность в психологии

Глава 4. Проблемы гендерной педагогики

Особенности социализации мальчиков и девочек
Этнография гендерной социализации
Теории гендерной социализации
Гендерные аспекты инициаций и обрядов перехода
Генитальные операции
Природа или воспитание?
От психологии к педагогике

Раздел V. Этнография родительства

Глава 1. Родительство как социокультурный феномен

Родители и родительство
Потребность в детях
Из истории родительской любви
Любовь и власть

Глава 2. Материнство и отцовство: роли, чувства, отношения

Существует ли материнский инстинкт?
Зачем нужны отцы?
[Современное отцовство](#)
Японские отцы
Социальные и психологические факторы ответственного отцовства

Глава 3. Родительское влияние и личность ребенка

Что могут и чего не могут родители?
[Родители и дети в постсоветской России](#)

Примечания

Краткий словарь терминов

...Кто не понимает ничего, кроме химии,
тот и ее понимает недостаточно.

Г.К. Лихтенберг. Афоризмы

Люди привыкли думать, что ребенка и мир детства изучают главным образом педагоги и психологи. Это не совсем так. Развитие и воспитание ребенка протекают не в вакууме, а в определенной социальной и культурной среде, неразрывно связанной с другими сторонами общественной жизни и находящейся в состоянии исторического развития и изменения. Изучением этих взаимосвязей занимаются такие новые, возникшие во второй половине XX в., научные дисциплины, как история детства, этнография (антропология) детства и социология детства.

В Советском Союзе эта проблематика наиболее интенсивно разрабатывалась в рамках проекта этнографии детства, начатого в 1980-х годах в Институте этнографии АН СССР под руководством автора этого учебного пособия. Проект был реализован в серии коллективных трудов, посвященных традиционным формам воспитания детей и подростков у разных народов мира. Эти сюжеты интересовали не только антропологов, но и социологов, педагогов и психологов. Для того чтобы облегчить их междисциплинарную кооперацию, была написана специальная историографическая монография...

Предлагаемое учебное пособие написано на основе получившей широкое признание монографии, но текст переработан с учетом задач учебного издания.... В разделе I "Детство в зеркале общественных и гуманитарных наук" представлена эволюция образов детства в истории европейской литературы, подробно рассматриваются теоретико-методологические вопросы этнографии и антропологии детства, включая статистические кросскультурные исследования; освещается вопрос возникновения современной истории и детства и ее отличия от традиционной истории педагогики; показывается вклад, который вносят в изучение мира детства женские и гендерные исследования, и особенности современной социологии детства.

В разделе II "Возраст и возрастные категории" раскрывается историческое происхождение понятия "возраст" и возрастных категорий, то, как они "работают" при изучении жизненного пути индивида, возрастной стратификации общества и возрастного символизма культуры и то, как смена поколений обеспечивает преемственность культуры. В разделе III "Нормативный канон человека и стиль социализации" прослеживается: как исторически формируются представления о природе человека ("имплицитная теория личности") в "наивной психологии" народов; чем они отличаются друг от друга; как взаимодействуют друг с другом индивидуальные различия и соционормативная культура общества и как это отражается в предъявляемых детям требованиях и в конкретных воспитательных практиках. Завершается этот раздел кратким анализом особенностей социализации детей в современном, быстро изменяющемся мире.

В разделе IV "Гендерная социализация" эти общие положения применяются к особенностям мужского и женского развития. Подробно рассматриваются категории "пол" и "гендер"; показывается, как соотносятся и взаимодействуют друг с другом биологический половой диморфизм и гендерная стратификация общества, от чего зависят социальные стереотипы маскулинности и фемининности и как они трансформируются в психологических теориях. Важное значение для педагогов имеет анализ особенностей социализации мальчиков и девочек на разных стадиях развития общества.

В разделе V "Этнография родительства" рассматривается природа родительства как социокультурного феномена; анализируются социальные и психологические различия материнских и отцовских функций, чувств и отношений; выясняется, являются ли они взаимоисключающими или взаимодополнительными; рассказывается, от чего зависит родительское влияние на личность ребенка и как оно взаимодействует с другими социальными институтами.

Одно из главных достижений науки о детстве конца 1980-х- 1990-х годов - появление социологии детства. Разумеется, социологи всегда интересовались проблемами детства, но чаще всего это делали попутно с какими-то другими сюжетами, в рамках социологии воспитания или социологии семьи. "Субъектные" аспекты и специфические социальные трудности детства нередко оставались при этом в тени.

Детство как социальный феномен

Поворотным пунктом к созданию новой парадигмы детства стал международный проект "Детство как социальный феномен" Европейского Центра социальной политики под руководством датского социолога Енса Квортрупа. Вместо привычной "психологизации" мира детства, в центре этого проекта оказались социально-экономические, демографические и политические проблемы: детство как социально-демографическая группа, его место в социальной структуре и структуре населения; положение детства в системе взаимоотношений между поколениями; социология детства (данные демографической статистики о динамике детского населения); положение детей в семье; формы деятельности детей - их трудовая занятость, школьные занятия, досуг как "запланированная спонтанность" и т.д.; дистрибутивная справедливость - насколько велика и справедлива доля получаемого детьми общественного продукта, как он делится между разными поколениями; экономика детства - что дети получают от общества и каков их собственный вклад в экономическое развитие; правовой статус детей; отношения между государством, родителями и детьми; диалектика защиты детей и автономии детства . Например, запрещение детского труда может быть как способом защиты детей, так и способом их дискриминации, отрицания их права на труд. Такая же двойственность проявляется и в законодательном регулировании детской сексуальности, когда защита детей от сексуальной эксплуатации взрослыми порой оборачивается отрицанием и подавлением сексуальных чувств и потребностей ребенка.

Намеченная Квортрупом программа была реализована в серии подробных национальных отчетов, описывающих социальное положение детей в ряде стран (Канада, Чехословакия, Дания, Англия, Финляндия, Германия, Греция, Ирландия, Израиль, Италия, Норвегия, Шотландия, Швеция, Швейцария, США и Югославия), результаты которых были сведены в статистический компендиум.. Это способствовало дальнейшему развитию и институционализации социологии детства.

В 1998 г. в рамках Международной социологической ассоциации создан специальный Исследовательский комитет по социологии детства, интересы которого тесно переплетаются с работой исследовательских комитетов по социологии воспитания, семьи и молодежи, а также ЮНИСЕФ.

Европейская Комиссия включает данные о социальном положении детей, состоянии их образования, здоровья и т.д. в свои ежегодные отчеты о национальной семейной политике европейских государств в форме специальных докладов. Специальные международные отчеты посвящены проблемам детской бедности, преступности, смерти от несчастных случаев и т.д. публикует ЮНИСЕФ. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) регулярно собирает и публикует данные о состоянии здоровья и развития детей и подростков. Одним из ведущих междисциплинарных, но по преимуществу социологических, изданий, посвященных детству, стал выходящий с 1994 года "глобальный журнал исследований ребенка" Childhood. Слово глобальность имеет в данном случае два значения. Во-первых, журнал стремится преодолеть европоцентризм и охватить все страны и континенты. Во-вторых, он является глобальным по своей тематике, рассматривая мир детства в самом широком социокультурном контексте, от психологии до архитектуры (например, в каком физическом и символическом пространстве живут и развиваются современные городские дети и как это влияет на их поведение и психику).

Социологическая теория детства

Новые исследовательские вопросы вызвали к жизни и новую теоретическую рефлексию о детстве.

В отличие от традиционных психолого-педагогических исследований все еще методологически

как природную данность, а как социальный конструкт, а детей - как соучастников (хоть и не всегда полноправных) социального процесса, имеющих свой собственный взгляд на мир, подчеркивая, что детский взгляд (точнее - взгляды) требуют к себе серьезного внимания со стороны взрослых. Существует несколько специфически социологических парадигм изучения детства.

Первая парадигма - рассмотрение детства как особого "племени" (tribal group), со своей особой культурой, языком, игровыми традициями и т.д., уходит своими идейными истоками в антропологию. Слово "племя" подчеркивает, что детская культура может быть бесписьменной и содержит в себе много архаических элементов, которые непонятны взрослым и тем не менее весьма существенны.

Вторая парадигма - дети как социальное меньшинство, аналогичное гендерным, расовым, социально-экономическим и этническим меньшинствам. Эта парадигма делает исследователей детства особенно чувствительными к проблемам социального неравенства, отношениям власти и дискриминации.

Третья парадигма выдвигает на первый план проблемы маркирования социального пространства детства как признанного компонента всех социальных структур - где, как и в каком именно статусе дети участвуют в общественной жизни, как это сказывается в членении жизненного пути и т.д.

Наконец, четвертая парадигма ставит во главу угла изучение дискурсов, производящих и видоизменяющих идею ребенка и детства: какие именно свойства детей при этом выделяются и подчеркиваются или, наоборот, замалчиваются, и как это, в свою очередь, влияет на психологию детей и их взаимоотношения со взрослыми.

Разумеется, ни одна из этих парадигм не является самодовлеющей, это просто разные углы зрения на один и тот же предмет. Общие черты современной социологической теории детства : 1) понимание ребенка как социального субъекта и 2) понимание множественности детства и детских миров. Это выдвигает на первый план наиболее острые социальные проблемы, такие как детская бедность, беспризорность, преступность, наркомания, проституция и т.д., причем обсуждение причин этих явлений неразрывно связано с поиском конкретных и эффективных методов социальной интервенции.

При этом подчеркивается, что акцент на помощи и социальной интервенции не означает превращения ребенка в объект. Тем более, что во внимании и помощи нуждаются не только дети, обездоленные на макросоциальном уровне. "Другие" дети, требующие к себе повышенного внимания, постоянно создаются и на микроуровне, в процессе повседневного развития и общения со сверстниками. "...Отличием "других" детей от своих сверстников является достаточно раннее (или сформированное семьей или совершенно индивидуальное, природное) свойство осознания себя "как другого", отличающегося от принятых в детском, а особенно в подростковом коллективе, манерами, интересами, ценностями, привычками и пр." Это делает "социологический" ракурс необходимым везде и всюду.

Социология детства существует и в России. Прежде всего это государственные доклады о положении детей и основанные на них программы. Статистические данные собирают и многочисленные неправительственные организации. НИИ детства Российского детского фонда начиная с 1990 г., регулярно публикует доклады и исследовательские материалы о положении детей в России, последний такой доклад вышел в 2000 году. К сожалению, как государственная, так и негосударственная статистика не всегда надежна и ее нередко используют в неблагоприятных политических целях. Социальные проблемы детства исследуются в рамках социологии семьи, образования, молодежи и т.д. Особое внимание уделяется при этом наиболее болезненным проблемам, таким, как социальное сиротство, беспризорность, детская преступность, проституция и т.д. Большая работа по изучению детства в контексте социологии семьи и образования проводится Российской Академией образования. Интересные материалы по комплексной социальной и психолого-педагогической программе "Защита детства" публикует журнал "Мир детства", издаваемый "Социальные инновации" (с 2002 г.). В Институте молодежи с 1998 г читается курс социологии детства. Социологически ориентирован учебник "Социальная педагогика" А.В. Мудрика .

Много пишут о социальном развитии детства и ведущие отечественные психологи, хотя с конкретными социальными фактами психологические концепции все еще связаны слабо

детства стали проводимые Российским государственным педагогическим университетом им. А.И. Герцена ежегодные международные конференции "Ребенок в современном мире"; последняя, девятая конференция состоялась в 2002 году и была посвящена теме "Дети и город".

Однако в целом российские исследования по социологии детства остаются разрозненными и атеоретическими.

Детство как социальный феномен

Поворотным пунктом к созданию новой парадигмы детства стал международный проект "Детство как социальный феномен" Европейского Центра социальной политики под руководством датского социолога Енса Квортрупа. Вместо привычной "психологизации" мира детства, в центре этого проекта оказались социально-экономические, демографические и политические проблемы: детство как социально-демографическая группа, его место в социальной структуре и структуре населения; положение детства в системе взаимоотношений между поколениями; социология детства (данные демографической статистики о динамике детского населения); положение детей в семье; формы деятельности детей - их трудовая занятость, школьные занятия, досуг как "запланированная спонтанность" и т.д.; дистрибутивная справедливость - насколько велика и справедлива доля получаемого детьми общественного продукта, как он делится между разными поколениями; экономика детства - что дети получают от общества и каков их собственный вклад в экономическое развитие; правовой статус детей; отношения между государством, родителями и детьми; диалектика защиты детей и автономии детства. Например, запрещение детского труда может быть как способом защиты детей, так и способом их дискриминации, отрицания их права на труд. Такая же двойственность проявляется и в законодательном регулировании детской сексуальности, когда защита детей от сексуальной эксплуатации взрослыми порой оборачивается отрицанием и подавлением сексуальных чувств и потребностей ребенка.

Намеченная Квортрупом программа была реализована в серии подробных национальных отчетов, описывающих социальное положение детей в ряде стран (Канада, Чехословакия, Дания, Англия, Финляндия, Германия, Греция, Ирландия, Израиль, Италия, Норвегия, Шотландия, Швеция, Швейцария, США и Югославия), результаты которых были сведены в статистический компендиум. Это способствовало дальнейшему развитию и институционализации социологии детства.

В 1998 г. в рамках Международной социологической ассоциации создан специальный Исследовательский комитет по социологии детства, интересы которого тесно переплетаются с работой исследовательских комитетов по социологии воспитания, семьи и молодежи, а также ЮНИСЕФ.

Европейская Комиссия включает данные о социальном положении детей, состоянии их образования, здоровья и т.д. в свои ежегодные отчеты о национальной семейной политике европейских государств в форме специальных докладов. Специальные международные отчеты посвящены проблемам детской бедности, преступности, смерти от несчастных случаев и т.д. публикует ЮНИСЕФ. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) регулярно собирает и публикует данные о состоянии здоровья и развития детей и подростков. Одним из ведущих междисциплинарных, но по преимуществу социологических, изданий, посвященных детству, стал выходящий с 1994 года "глобальный журнал исследований ребенка" Childhood. Слово глобальность имеет в данном случае два значения. Во-первых, журнал стремится преодолеть европоцентризм и охватить все страны и континенты. Во-вторых, он является глобальным по своей тематике, рассматривая мир детства в самом широком социокультурном контексте, от психологии до архитектуры (например, в каком физическом и символическом пространстве живут и развиваются современные городские дети и как это влияет на их поведение и психику).

Социологическая теория детства

Новые исследовательские вопросы вызвали к жизни и новую теоретическую рефлексию о детстве.

В отличие от традиционных психолого-педагогических исследований все еще методологически

как природную данность, а как социальный конструкт, а детей - как соучастников (хоть и не всегда полноправных) социального процесса, имеющих свой собственный взгляд на мир, подчеркивая, что детский взгляд (точнее - взгляды) требуют к себе серьезного внимания со стороны взрослых. Существует несколько специфически социологических парадигм изучения детства.

Первая парадигма - рассмотрение детства как особого "племени" (tribal group), со своей особой культурой, языком, игровыми традициями и т.д., уходит своими идейными истоками в антропологию. Слово "племя" подчеркивает, что детская культура может быть бесписьменной и содержит в себе много архаических элементов, которые непонятны взрослым и тем не менее весьма существенны.

Вторая парадигма - дети как социальное меньшинство, аналогичное гендерным, расовым, социально-экономическим и этническим меньшинствам. Эта парадигма делает исследователей детства особенно чувствительными к проблемам социального неравенства, отношениям власти и дискриминации.

Третья парадигма выдвигает на первый план проблемы маркирования социального пространства детства как признанного компонента всех социальных структур - где, как и в каком именно статусе дети участвуют в общественной жизни, как это сказывается в членении жизненного пути и т.д.

Наконец, четвертая парадигма ставит во главу угла изучение дискурсов, производящих и видоизменяющих идею ребенка и детства: какие именно свойства детей при этом выделяются и подчеркиваются или, наоборот, замалчиваются, и как это, в свою очередь, влияет на психологию детей и их взаимоотношения со взрослыми.

Разумеется, ни одна из этих парадигм не является самодовлеющей, это просто разные углы зрения на один и тот же предмет. Общие черты современной социологической теории детства : 1) понимание ребенка как социального субъекта и 2) понимание множественности детства и детских миров. Это выдвигает на первый план наиболее острые социальные проблемы, такие как детская бедность, беспризорность, преступность, наркомания, проституция и т.д., причем обсуждение причин этих явлений неразрывно связано с поиском конкретных и эффективных методов социальной интервенции.

При этом подчеркивается, что акцент на помощи и социальной интервенции не означает превращения ребенка в объект. Тем более, что во внимании и помощи нуждаются не только дети, обездоленные на макросоциальном уровне. "Другие" дети, требующие к себе повышенного внимания, постоянно создаются и на микроуровне, в процессе повседневного развития и общения со сверстниками. "...Отличием "других" детей от своих сверстников является достаточно раннее (или сформированное семьей или совершенно индивидуальное, природное) свойство осознания себя "как другого", отличающегося от принятых в детском, а особенно в подростковом коллективе, манерами, интересами, ценностями, привычками и пр." Это делает "социологический" ракурс необходимым везде и всюду.

Социология детства существует и в России. Прежде всего это государственные доклады о положении детей и основанные на них программы. Статистические данные собирают и многочисленные неправительственные организации. НИИ детства Российского детского фонда начиная с 1990 г., регулярно публикует доклады и исследовательские материалы о положении детей в России, последний такой доклад вышел в 2000 году. К сожалению, как государственная, так и негосударственная статистика не всегда надежна и ее нередко используют в неблагоприятных политических целях. Социальные проблемы детства исследуются в рамках социологии семьи, образования, молодежи и т.д. Особое внимание уделяется при этом наиболее болезненным проблемам, таким, как социальное сиротство, беспризорность, детская преступность, проституция и т.д. Большая работа по изучению детства в контексте социологии семьи и образования проводится Российской Академией образования. Интересные материалы по комплексной социальной и психолого-педагогической программе "Защита детства" публикует журнал "Мир детства", издаваемый "Социальные инновации" (с 2002 г.). В Институте молодежи с 1998 г читается курс социологии детства. Социологически ориентирован учебник "Социальная педагогика" А.В. Мудрика .

Много пишут о социальном развитии детства и ведущие отечественные психологи, хотя с конкретными социальными фактами психологические концепции все еще связаны слабо

детства стали проводимые Российским государственным педагогическим университетом им. А.И. Герцена ежегодные международные конференции "Ребенок в современном мире"; последняя, девятая конференция состоялась в 2002 году и была посвящена теме "Дети и город".

Однако в целом российские исследования по социологии детства остаются разрозненными и атеоретическими.

Современное отцовство

Мысль о слабости и неадекватности "современных отцов" - один из самых распространенных стереотипов общественного сознания, причем этот стереотип является в известной степени транскультурным. Всюду и везде ученые и публицисты констатируют:

Рост безотцовщины, частое отсутствие отца в семье;

Незначительность и бедность отцовских контактов с детьми по сравнению с материнскими;

Педагогическую некомпетентность, неумелость отцов;

Незаинтересованность и неспособность отцов осуществлять воспитательные функции, особенно уход за маленькими детьми.

Однако интерпретируют эти факты (или то, что принимают за факты) по-разному. Одни авторы полагают, что происходит быстрое, неуклонное и чреватое опасными последствиями ослабление отцовского начала, т.е. налицо некая макроисторическая тенденция. Другие же склонны думать, что так было всегда, что отцы никогда не играли важной роли в воспитании детей, а наши сегодняшние тревоги отражают только сдвиг в акцентах и стереотипах массового сознания.

Чтобы корректно поставить эти вопросы, их нужно предварительно уточнить и дифференцировать:

Чем отличается "современное" положение и поведение отцов от "традиционного"?

Чем отличается "современный" стереотип, нормативный образ отцовства от "традиционного"?

Какова степень совпадения стереотипа отцовства и реального поведения сегодняшних отцов?

Является ли степень совпадения стереотипа и реального поведения отцов "здесь я теперь" такой же, большей или меньшей, чем "там и прежде"?

Как связаны эти реальные и воображаемые различия с исторической эволюцией гендерного порядка и стереотипов маскулинности и фемининности?

Каковы психологические последствия предполагаемых сдвигов в характере отцовства и материнства, как они влияют на личность и психологические качества ребенка?

Из всех вышеперечисленных элементов стереотипной модели "ослабления отцовского начала" единственной безусловной и грустной реальностью является рост безотцовщины, обусловленный в первую очередь динамикой разводов и увеличением числа одиноких матерей. Как абсолютное число, так и удельный вес детей, воспитывающихся без отцов, в большинстве индустриально-развитых стран неуклонно растет. В странах ЕС доля семей с одним родителем и детьми до 15 лет в 1990/1991 гг. составляла от 5.7% в Греции до 20.4% в Дании. 83.3% таких семей - материнские. Однако растет и число одиноких отцов, их доля в общем числе семей с детьми колеблется от 0.7% в Испании до 11% в Италии (часто это не разведенные мужчины, а вдовцы).

Однако количественные различия непонятны без анализа качественных сдвигов, которые часто бывают разнонаправленными.

Верно, что в целом отцы проводят со своими детьми значительно меньше времени, нежели матери, причем лишь незначительная часть этого времени расходуется непосредственно на уход и общение с детьми. Но так было всегда, мужчины почти никогда сами не выхаживали детей. Современные отцы в этом отношении не только не уступают прежним поколениям, но даже превосходят их, особенно в нетрадиционных семьях, основанных на принципе равенства полов, где мужчины берут на себя гораздо больший круг таких обязанностей, которые раньше считались исключительно женскими. Например, обследование 231 канадской семьи показало, что, при выровненных социальных факторах, таких, как количество внеурочного времени, отцы проводят с детьми столько же времени, сколько и матери.

Почему же людям кажется, что отцовский вклад в воспитание снижается? Здесь нужно учитывать макроисторические тенденции. Если пренебречь частными межкультурными различиями, в традиционной патриархальной семье отец выступает как а) кормилец б) персонализация власти и

внесемейной, общественно-трудовой деятельности. В современной городской семье эти традиционные ценности отцовства заметно ослабевают под давлением таких факторов, как женское равноправие, вовлечение женщин в профессиональную работу, тесный семейный быт, где для отца не предусмотрено пьедестала, и пространственная разобщенность труда и быта. Сила отцовского влияния в прошлом коренилась прежде всего в том, что он был воплощением власти и инструментальной эффективности. В патриархальной крестьянской семье отец не ухаживал за детьми, но они, особенно мальчики, проводили много времени, работая вместе с отцом и под его руководством. В городе положение изменилось. Как работает отец, дети не видят, а количество и значимость его внутрисемейных обязанностей значительно меньше, чем у матери.

По мере того как "невидимый родитель", как часто называют отца, становится видимым и более демократичным, он все чаще подвергается критике со стороны жены, а его авторитет, основанный на внесемейных факторах, заметно снижается. Ослабление и даже полная утрата мужской власти в семье отражается в стереотипном образе отцовской некомпетентности. Американские исследователи Р. Дэй и У. Маккей проанализировали под этим углом зрения 218 карикатур, опубликованных между 1922 и 1968 годом в журнале "Saturday Evening Post" и изображающих взрослых с детьми. Оказалось, что мужчины изображаются некомпетентными в 78,6% и компетентными - в 21,4% карикатур; у женщин соотношение обратное - 33,8 и 66,2%. Подобный стереотип как же не способствует поддержанию отцовского авторитета, как и повседневная женская воркотня в присутствии детей. Но главное - мужчина оценивается по традиционному женским критериям, по той деятельности, которой отцы никогда раньше всерьез не занимались и к которой они социально и психологически плохо подготовлены. Насколько правомерна такая оценка?

...

Традиционное разделение отцовских и материнских функций, как и других гендерных ролей, не является абсолютным биологическим императивом. Судя по имеющимся данным, генетические факторы объясняют лишь от 18% до 25% индивидуальных различий отцовского и от 23% до 39% материнского участия в уходе за детьми. Социокультурные факторы кажутся более значимыми.

Для сравнительно-исторического анализа отцовского поведения социологи выделили четыре автономных фактора:

мотивация,
умения и уверенность в себе,
поддержка, прежде всего со стороны матери,
институциональные практики (как данное общество поощряет отцовство - отпуск по уходу за детьми и т.п)

Кроме того, выделены важнейшие параметры отцовского взаимодействия с ребенком: вовлеченность, ангажированность (непосредственный уход, общение или игра с ребенком), доступность отца для ребенка и

ответственность, знание того, чего ребенок хочет, и принятие соответствующих решений.

Это позволило проследить историческую эволюцию отцовского поведения количественно, причем в поведении американских отцов за последние 20 лет выявлены значительные позитивные сдвиги. Степень отцовской вовлеченности по сравнению с 1970-ми годами выросла на треть, а доступности - наполовину. Американские отцы проводят с детьми в среднем около 1.9 часа в рабочие и 6.5 часов в выходные дни. Это значительно больше, чем 12 минут в день, как было 25 лет назад. В 1990-х годах отцовская ангажированность составляет свыше 40% , а доступность - две трети материнской. Этот рост идет по крайней мере с 1920-х годов, но во многом зависит от возраста ребенка и дня недели (рабочий или выходной день). В среднем, количество времени, которое американские отцы, по данным разных исследователей, проводят с детьми, выросло с 1960-х годов от 25% до 37% . А поскольку детей стало меньше, то время на одного ребенка выросло еще больше.

Вопреки стереотипу, для многих американских мужчин, как и для женщин, семья психологически важнее работы, она занимает центральное место в их жизни и во многом определяет их психическое благополучие.

молодые и образованные отцы, живущие со своими семьями, проводят с детьми больше времени, чем раньше, но все больше мужчин не живут со своими семьями. Главные причины этого - увеличение числа внебрачных детей и рост числа разводов. Совместность родительства для мужчин психологически важнее, чем для женщин. Мужчина, у которого не складываются отношения с женой, часто охладевает и к ребенку, чего у матерей обычно не происходит. Еще разрушительнее действует развод. Для многих мужчин брак и отцовство - своего рода "пакетное соглашение". Тем более, что сами отцовские роли и необходимые для этого навыки определены обществом менее четко, чем материнские. Здесь многое зависит от индивидуального согласия.

Согласно американской статистике, после развода 90% детей остаются с матерью, после чего их общение с детьми ограничивается или вовсе прекращается; в 1995 г около трети американцев после развода практически перестали общаться с детьми. Отчасти потому, мужчины сами теряют к ним интерес, а отчасти потому, что бывшие жены препятствуют таким контактам. В результате на макросоциальном уровне безотцовщина не уменьшается, а растет.

Сходные тенденции существуют и в Европе. Само по себе гендерное равенство не приводит к увеличению реального сходства отцовских и материнских ролей. Например, в Швеции, где с 1974 г. семейные роли полностью выравнены, очень немногие отцы пользуются правом отпуска по уходу за ребенком, несмотря на 100% компенсацию, а женщины тратят на хозяйство и уход за ребенком в 5 раз больше времени, чем мужчины. По ироническому замечанию Уэйда Мак-Кея, "мужчины - не очень хорошие матери".

Противоречия отцовской психологии отражают неоднозначность макросоциальных социальных тенденций. Как отмечает известный американский историк Джон Гиллис, наряду с психологизацией и интимизацией семейных отношений, происходит некоторая маргинализация отцовской роли. Если раньше отцовство было обязательным аспектом маскулинности - мужчина обязан быть отцом! - то теперь оно, как и все прочие роли и идентичности, стало делом свободного выбора, превращается в призвание, которым одни мужчины занимаются, а другие - нет. Кроме того, ответственному отцовству, как и всему остальному, нужно учиться.

Рождение ребенка - важное событие в жизни любого мужчины. Но переживается оно по-разному. В серии глубинных интервью с 40 американцами удалось выявить 5 главных, взаимопересекающихся тем, связанных с отцовством:

Остепенился, перестал быть ребенком, приобрел солидность - 45%.

Уменьшилась эгоцентричность, стал больше давать, чем брать - 35%

Появилось новое чувство ответственности - 32%

Возникла генеративность (по Эриксона), забота о передаче чего-то потомству - 29%

Психологическая встряска - 29%

Но характер этих переживаний тесно связан с личным жизненным опытом мужчины. Уникальное Гарвардское лонгитюдное исследование, продолжавшееся с конца 1930-х до конца 1980-х годов, объектом которого были четыре поколения мальчиков из одних и тех же семей, показало, что индивидуальный стиль отцовства сильно зависит от прошлого собственного опыта мужчины и передается из поколения в поколение, причем ответственное отцовство чрезвычайно благотворно как для сыновей, так и для отцов.. Интересный человеческий документ о преемственности хороших отцовских традиций - семейная хроника известного российского социолога О.Н. Яницкого. К сожалению, такие примеры (и тем более исследования) редки.

Родители и дети в постсоветской России

Все проблемы, существующие на Западе, актуальны и для современной России, причем многие из них стоят у нас значительно острее, потому что общие трудности демографической модернизации усугубляются социально-экономическим кризисом страны, а сопутствующая ему волна консервативного сознания препятствует развитию трезвой социальной рефлексии, подменяя ее наивной морализацией и призывами "вернуться" из трудного настоящего в воображаемое прошлое.

Прежде всего, налицо общее ослабление института брака. В 1999 г. почти 28% всех родившихся в России детей появились на свет вне зарегистрированного брака, за 10 лет внебрачная рождаемость выросла более, чем вдвое. Быстрый рост внебрачной рождаемости не является исключительно российским явлением и его не следует выводить из "падения нравов", тем более, что половина внебрачных рождений признается отцами, что свидетельствует о неслучайном характере отношений между родителями. По данным крупных выборочных переписей в 1996 г. в незарегистрированных браках состояло 14% женщин от 20 до 24 лет, а в 1999 г. - уже 17.4%.

Однако незарегистрированные отношения дают женщине значительно меньше правовых гарантий. В сочетании с быстрым увеличением количества разводов с конца 1980-х до 1994 г., когда этот показатель начал снижаться, это способствует росту социальной и психологической безотцовщины.

Изменились и социально-психологические установки на рождаемость. С суждениями, что "долг каждой женщины стать матерью" и "долг каждого мужчины растить детей" гораздо чаще соглашаются представители старших, нежели младших поколений. Особенно заметны сдвиги в установках женщин. На вопрос "Должна ли каждая женщина стать матерью?" среди опрошенных в конце 1990-х гг. петербургских женщин от 18 до 29 лет утвердительно ответили лишь 20%, а среди 30-39-летних - только 17%. Это значит, что материнство, которое религиозная мораль всегда считала главной ипостасью женщины, становится лишь одной из ее социальных идентичностей.

В представлениях россиян о справедливом распределении семейных функций и об обязанностях матери и отца традиционалистские установки борются с эгалитарными, сопровождаясь жесткими взаимными обвинениями мужчин и женщин.

Судя по имеющимся социологическим данным, реальное разделение труда и ответственности в семье, даже городской, является скорее традиционным. Роли добытчика и распорядителя денег отчетливо распределены между мужем и женой соответственно - он зарабатывает, она тратит. Мужья работают больше часов и зарабатывают больше своих жен. 80% опрошенных москвичей считают зарабатывание денег преимущественно заботой мужа, но в тоже время больше трети их предпочитают, чтобы деньгами распоряжались жены. Только 15% женатых мужчин предпочитают сами распоряжаться деньгами - в 2.5 раза меньше, чем число женщин. Однако многие жены воспринимают это не как привилегию, а как бремя.

Что касается заботы о детях, то 81% опрошенных хотели бы делить ее поровну. На вопрос "Способно ли большинство мужчин так же, как и женщины, заботиться о детях?" среди состоящих в браке положительно ответили 65.6% женщин и 67.7% мужчин, отрицательно - четверть женщин и почти треть мужчин. Однако фактически, хотя более молодые и образованные мужья готовы взять на себя часть семейных дел, эти сдвиги происходят очень медленно. Если судить по реальным затратам времени, то разница между мужчинами и женщинами в постсоветский период даже увеличилась. В 1992 г. женщины тратили на домашнее хозяйство 8 часов, а мужчины - 3 часа.

Участие отца в воспитании детей, за исключением дисциплинирования ребенка, участие в котором признал каждый четвертый отец, часто остается символическим. По остальным

1.9% (уход за больным ребенком). В описании процессов принятия решений супруги часто резко расходятся: мужья склонны думать, что большинство семейных решений принимается совместно, тогда как жены выше оценивают собственную роль. А по ключевому для нашей темы вопросу "Что детям можно делать?" решающую роль мужьям отвели только 8.7% жен и 8.2 мужей.

Еще больше падает влияние отца в случае развода. По данным опроса большой группы разведенных жен и мужей, только треть таких отцов, по их словам, достаточно часто видят своих детей и могут в какой-то степени заниматься их воспитанием. Жены оценивают положение еще пессимистичнее, вдвое чаще говоря об отсутствии каких-либо бы то ни было отношений между отцом и ребенком. Такая же картина и во Франции. Однако дело тут не только и может быть даже не столько в нежелании отцов, сколько в настроении самих женщин. Только 17% разведенных жен сказали, что они хотели бы более частых контактов отца с детьми, тогда как 41% предпочли бы, чтобы таких контактов не было вовсе. Некоторые разведенные отцы вынуждены отстаивать свои права на ребенка в суде и даже создали собственную правозащитную организацию

Эти социальные факты необходимо учитывать не только педагогам и психологам, но и политикам, которые часто склонны переоценивать эффективность нравственных призывов и административно-силовых методов. Разумеется, детей нужно защищать и охранять. Но сами по себе административные меры так же мало способны создать ответственное родительство, как повышение легального возраста согласия - изменить тенденции развития подростковой сексуальности и сделать молодежную культуру более целомудренной .

Социальная политика - не ритуальный плач по России, "которую мы потеряли", и не зычный командирский окрик "Все по местам!" Здесь нужен прежде всего социологический реализм.